

Раньше Гарри и представить себе не мог, что на свете существует кто-то противнее Дадли — тем более целая орава. Но стоило ему переступить порог Хогwartса и впервые услышать слово «Слизерин», как все сомнения отпали.

— Из Слизерина выходят одни темные маги!

Это суждение Рона о зеленом факультете было самым простым и категоричным. И правда, глядя на ту горстку недругов-слизеринцев, с которыми Гарри уже успел столкнуться, трудно было сомневаться: даже если сейчас они еще не баловались темными искусствами, то в будущем займутся ими наверняка. Взять хотя бы Драко Малфоя, Блейза Забини, Грегори Гойла, Винсента Крэбба, Пэнси Паркинсон... Ну и, разумеется, Пана Джесаса, которого Гермиона теперь величала не иначе как «безвинно пострадавшим слизеринцем».

Это нелепое прозвище прилепилось к Пану с легкой руки Гермионы. После того злополучного урока трансфигурации девочку накрыло лавиной вины и беспокойства. Она то и дело сокрушалась перед мальчишками, заламывая руки:

— Я ранила ни в чем не повинного человека! Да, пускай он со Слизерина, но он ни в чем не виноват... О Мерлин, я подняла палочку на беззащитного слизеринца!

Безвинная жертва? Гарри с Роном лишь крутили пальцем у виска: Гермиона явно страдала от избытка свободного времени и сама искала повод помучиться. Кто угодно в этом мире мог оказаться невинной овечкой, но только не слизеринец! К тому же на войне без потерь не бывает. Пускай сравнение с войной казалось преувеличением, вражду между Гриффиндором и Слизерином уже давно нельзя было назвать обычной школьной склокой. Это было полномасштабное противостояние двух армий, а в бою щепки летят неизбежно. Тем более что Джесас отделался сущим пустяком. Только такая мягкосердечная домашняя девочка из мира маглов, как Гермиона, могла изводить себя из-за пустяковой царапины.

Рон твердил, что этот коварный слизеринец специально изводит их ранимую подругу, ведя против честных гриффиндорцев тонкую психологическую войну. И это преступление куда тяжелее, чем случайное заклинание Гермионы! Любому ясно: пара капель целебного зелья — и от царапин не останется и следа. Но нет, Джесас упорно щеголял со своим «изуродованным» лицом, словно немой укор Гермионе и, что хуже, преподавателям. И, разумеется, эти раны напоминали о багровых рубинах гриффиндорского факультетского кубка, стремительно таявших из-за снятых баллов.

Ладно, называть Джесаса уродом Рон погорячился — парень-то был смазливый, — но в одном Гарри не сомневался: души у всех змеенышей черны как уголь.

— Какое невезение, — уныло протянул Гарри, ковыряя вилкой в тарелке. Даже аппетитный обед больше не радовал. — Совместные полеты со слизеринцами... От одной мысли желудок сводит. А ведь я всю неделю только об этой тренировке и думал!

— Да еще и эта дурацкая отработка, — проворчал Рон с набитым ртом, косясь с завистью на соседний слизеринский стол. — А ведь сегодня Вуд устраивает отбор в команду по квиддичу. Первокурсников туда не берут, но хоть бы поглядели, примерились к следующему году! Я слышал, Малфоя с Джесасом их декан заставил потрошить слизняков. Подумаешь, великая пытка! Сидели себе целую неделю в теплом кабинете, никаких тебе тараканов, крыс или опарышей. И самое возмутительное — эта сальная черная летучая мышь отпустила их на день раньше! А нам сегодня опять корячиться под надзором Филча. Вручную, без магии, драить школьные клозеты!

— Рон, потише, он же профессор! — испуганно шепнул Гарри, озираясь по сторонам. Ему вечно казалось, что Снейп только и ждет повода поймать его на каком-нибудь проступке.

— Ладно, профессор, — буркнул Рон и засунул в рот внушительный кусок пирога. — В следующий раз, прежде чем открывать рот, обязательно выучу Силенцио.

— Ну ты и скажешь, Рон, — Гарри невольно улыбнулся, признавая правоту друга, и пожал плечами. — Слушай, а помнишь тот обрывок газеты у Хагрида?

— Ты про вырезку из «Ежедневного пророка»? — оживился Рон, мгновенно проглотив еду. Было видно, что эта тема его тоже сильно занимала. — Невероятно просто: кто-то умудрился вломиться в Гринготтс! Мама наверняка заохала бы: «Какой кошмар, теперь честным волшебникам даже золото спрятать негде!» Хотя у нас в сейфе отродясь лишних галеонов не водилось.

Гарри понимающе усмехнулся, но тут же посерьезнел. Помедлив, он заговорщицки понизил голос:

— Вообще-то... в то самое утро, когда туда вломились, я тоже был в банке.

— Да ладно! — воскликнул Рон на весь зал. Поймав на себе недовольные взгляды старшекурсников, он втянул голову в плечи и зашептал, едва сдерживая возбуждение: — Честно? И что, ты прямо видел грабителей?

— Да нет, — покачал головой Гарри, припоминая детали. — Думаю, они пробрались туда уже после нашего ухода.

— Эх, жалко, — разочарованно вздохнул Рон.

— Зато Хагрид опустошил именно тот сейф, понимаешь? — выпалил Гарри. — В газете написали, что взломанная ячейка была очищена владельцем чуть ранее в тот же день. А мы как раз забрали оттуда сверток!

— Вот оно что... — Рон удивленно вскинул брови. — Хочешь сказать, вор охотился именно за

тем, что унес Хагрид? Ого, вырисовывается настоящее детективное расследование! Прямо как у мракоборцев. И много там было золота?

— В том-то и дело, что золотом там и не пахло, — покачал головой Гарри. — Сверток был совсем крошечный, но...

— О чем это вы шепчетесь? — раздался над ухом строгий голос Гермионы.

Она бесцеремонно прервала их заговорщическую беседу, с грохотом водрузив на стол целую гору тяжелых фолиантов. Мальчишки лишь переглянулись. Они искренне не понимали, как можно добровольно поглощать столько макулатуры. По выражению Рона, если бы Гермиона превратилась в книжного червя, она бы все равно лопнула от такого рациона.

— Да так, ни о чем, — буркнул Рон, мгновенно сворачивая тему. Ему совсем не улыбалось делиться тайнами с мисс Всезнайкой — она со своими поучениями мигом испортит всю игру в мракоборцев.

— Но я же отчетливо слышала слово «галеоны»! — Гермиона подозрительно прищурилась.

— Ишь какая ушастая, когда дело пахнет деньгами, — едва слышно проворчал Рон себе под нос. К счастью, Гермиона либо пропустила шпильку мимо ушей, либо сделала вид, что не услышала. — Да мы просто прикидывали, сколько галеонов нужно накопить на «Нимбус-2000».

— Понятно, — кивнула она, принимая объяснение. Усевшись за стол, она принялась вяло жевать, одновременно листая затрепанную книгу под названием «Квиддич сквозь века».

— Гермиона... послушай... — нерешительно начал Гарри. Честно говоря, он побаивался вступать с ней в разговоры, особенно когда она бывала в дурном расположении духа и принималась нудно читать нотации.

— Что? — отозвалась она, не отрывая взгляда от страницы.

— Ты что, наконец-то завязала со своим самобичеванием? — встрял Рон, с пренебрежением глядя на ее книгу. — Дошло наконец, какой этот Джесас хитрый и изворотливый тип? А мы-то думали, ты при виде него опять начнешь заламывать руки и каяться во всех грехах.

Гермиона поджала губы и со стуком закрыла книгу.

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой, Рон. Можешь сколько угодно считать меня душой, но я не могу спокойно смотреть на шрамы у него на лице. Он ведь пальцем никого не тронул! К тому же... он совсем не такой, как остальные слизеринцы.

— Ага, прямо святой! — привычно съязвил Рон. Об «особенности» Джесаса они спорили уже добрую неделю. — Он лучший друг Малфоя! Посмотри на них: они же водой не разлей вода, и в Большом зале, и на уроках сидят плечом к плечу!

— И что с того? — Гермиона упрямо вскинула подбородок.

Ей тоже претила спесь обитателей подземелий, но девичья интуиция подсказывала: Пан — другой. Разумеется, она ни за что не призналась бы мальчишкам в том, что произошло в ожидальне перед церемонией распределения. Тогда, перепуганная внезапным появлением призраков, она едва не закричала от страха. Но Пан Джесас тихо встал у нее за спиной, заслонив от Пивза, который уже изготовился выкинуть какую-то гадость. Гермиона отчетливо помнила, что изначально сзади нее никого не было — она стояла почти вплотную к стене. За прошедшие дни она успела сполна оценить мерзкий нрав полтергейста, а потому была уверена: Пан спас ее. Он был добрым и благородным. И неважно, на каком факультете он учится.

— Рыбак рыбака видит издалека, — с глубокомысленным видом изрек Рон.

— Не знаю, то ли восхищаться твоими познаниями в пословицах, то ли поражаться твоему упрямству. Это называется предвзятостью!

С этими словами Гермиона решительно поднялась, сгребла в охапку тяжеленный том «Квиддича сквозь века» и демонстративно пересела подальше — к Невиллу Лонгботтому. В преддверии первого урока полетов она рассудила, что с Невиллом у нее сейчас куда больше общих тем для разговора.

<http://bllate.org/book/18188/1752591>